

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Певницкий В.

ПО ВОПРОСУ
О ПРЕОБРАЗОВАНИИ
ДУХОВНЫХ
АКАДЕМИЙ

Труды Киевской Духовной Академии,
1867, № 5, с. 253-291

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Духовно-просветительский центр
ИЛИОТРОПИОНЪ

Духовно-просветительский
центр «Илиотропионъ»
<http://andreyblag.ru>

Москва, 2013

ПО ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ.

Въ академіяхъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи этихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній. Возбужденіе этого вопроса вызвано было готовящимся преобразованиемъ семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ. Такъ какъ весь духовно-учебный институтъ, по нынѣ дѣйствующему уставу, составляетъ одно неразрывное цѣлое, и низшія и среднія учебныя заведенія духовнаго вѣдомства тѣсно соединены съ высшими, — академіями, то такія или иныя видоизмѣненія ихъ естественно должны сопровождаться соответственными преобразованиями и академій, въ видахъ стройнаго веденія духовно-учебнаго дѣла. Какъ слышно, въ слѣдъ за комитетомъ, Высочайше учрежденнымъ для составленія новаго устава духовныхъ семинарій, будетъ образованъ новый комитетъ для разсужденія о перемѣнахъ, какія ружно слѣдуетъ по указанію опыта и вызову современныхъ обстоятельствъ, въ нынѣшнемъ устройствѣ академій. Академическія конференціи поэтому приглашены представить свои соображенія высшему начальству о возможныхъ улучшеніяхъ или исправленіяхъ устава, составленнаго въ 1808 году.

Лица, заинтересованныя въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія и желающія возможно-правильнаго и успѣшнаго дѣйствія высшей духовной школы, понимаютъ всю важность подобной задачи и, конечно, желали бы видѣть здѣсь рѣшенія, основанныя на самомъ полномъ и обстоятельномъ изслѣдованіи всѣхъ

сторонъ предмета. И мы знаемъ, что академическія конференціи отнесли къ возбужденному вопросу объ академіяхъ съ тою добросовѣстностію, какой только можно ожидать отъ нихъ по отношенію къ самому кровному и близкому для нихъ предмету. Съ замѣтнымъ напряженіемъ пересматривается и перо-страивается въ нихъ учебная академическая программа, и оцѣниваются разные способы лучшаго преподаванія наукъ и лучшаго нравственнаго дѣйствования на умы воспитанниковъ.

Печатная гласность далеко не обвиняетъ всѣхъ тѣхъ толковъ, какіе въ разныхъ мѣстахъ идутъ теперь по поводу предстоящаго пересмотра устава духовныхъ академій. Для печати вопросъ о преобразованіи духовныхъ академій прежде не существовалъ, и если появлялись кой-гдѣ фельетонныя замѣтки о недостаткахъ теперешняго ихъ строя, то всѣ онѣ такого рода что объ нихъ можно и не вспоминать при серьезномъ обсужденіи дѣла. Въ послѣднее время напечатаны въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ ¹⁾ соображенія, рассчитанныя на улучшеніе и возвышеніе теперешнихъ академій. Эти соображенія, какъ мы полагаемъ, составляютъ отвѣтъ на вопросъ, данныя академическимъ конференціямъ со стороны духовно-учебной администраціи, и служатъ образчикомъ тѣхъ сужденій, какія теперь ведутся по вопросу о преобразованіи духовныхъ академій. Въ Христіанскомъ Читеніи въ одной статьѣ сопоставлены рядомъ два мнѣнія, рѣзко расходящіяся между собою, которыя очень трудно привести къ одному знаменателю.

Такое разногласіе мнѣній, вызванныхъ однимъ вопросомъ, не есть случайность, объясняемая личными прихотливыми воззрѣніями людей. Оно вытекаетъ изъ общаго положенія вещей, и сопоставленіе въ Христіанскомъ Читеніи двухъ разпорѣчивыхъ мнѣній характеризуетъ нѣкоторымъ образомъ на-

¹⁾ См. Христіанское Читеніе 1867. Мартъ.

стоящее отношеніе русской общественной мысли, заинтересованной въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія, къ вопросу о переустройствѣ академій Вездѣ, гдѣ только ни начинали разсуждать объ этомъ предметѣ, взгляды слишкомъ расходились между собою, и трудно установить общую, одинаковую для всѣхъ, точку зрѣнія на обсуждаемое дѣло. Это свидѣлствуетъ о томъ, что предметъ слишкомъ недостаточно еще опредѣлился для судящей общественной мысли, и новый вопросъ явился для нея, какъ свѣтъ на голову, совершенно неожиданно. Если онъ не возбуждесть искусственно, то во всякомъ случаѣ мало разработанъ и выясненъ для того, чтобы составлять по нему скороспѣлыя окончательныя рѣшенія. Подпятымъ мнѣніямъ нужно перебродить, установиться и вышлифоваться отъ взаимнаго тренія и столкновенія, и тогда можно будетъ ожидать болѣе надежнаго рѣшенія задачи и большаго согласія во взглядахъ на дѣло.

До послѣдняго времени, нигдѣ, — и въ самыхъ академіяхъ, не слышались толки о преобразованіи ихъ внутренняго строя. Подвергались обсужденію и требовали перемѣны только внѣшнія условія быта членовъ духовныхъ академій. Это знакъ, что старый уставъ академій еще не отжилъ своего срока: строй академій, поставленный имъ на твердой почвѣ, блистательно выдерживалъ испытаніе времени, и новый духъ, воплощавшійся въ разныхъ реформаторскихъ стремленіяхъ, перетрясывая наслѣдіе прежнихъ поколѣній, безъ всякихъ сдѣлокъ мирился съ учрежденіемъ, созданнымъ замѣчательными дѣятелями 1808 г.; оно замѣтно удовлетворяло взыскательную мысль даже того поколѣнія, которое своею спеціальною задачею поставило усиленную крицику всего, отмѣченнаго именемъ стараго. Съ этимъ не расходится и духовно-учебная администрація, вызывающая заявленіе мнѣній о возможныхъ перемѣнахъ въ настоящемъ положеніи академій: она предполагаетъ только пересмотръ ста-

раго устава, а не составленіе новаго, и въ виду этого пересмотра приглашаетъ академическія конференціи доставить ей свои соображенія о томъ, что въ прежнемъ уставѣ оказывается несоотвѣтственнымъ требованію времени и измѣнившимся условіямъ жизни. Но въ наше всепреобразующее время возбужденной мысли трудно сохранить умѣренность и сдержанность; какъ скоро данъ для нея толчокъ, она готова забѣгать впередъ и строить новые планы, независимые отъ тѣхъ порядковъ, какіе они должны смѣнить, и точкою исхода для нея въ этомъ случаѣ является не прежній строй жизни, требующій пересмотра или исправленія, а новый идеаль, раждающійся въ головѣ, и имѣющій эфирное, чисто-теоретическое существованіе. При этомъ подвергаются вопросу самыя коренныя основы учрежденія; обследованіе частныхъ кажется дѣломъ мелочнымъ, не стоящимъ большаго вниманія, и смѣлой воля такъ и хочется рѣшиться на новое твореніе, на память и пользу будущаго потомства. Много искренности, много самыхъ добрыхъ увлеченій можетъ быть въ такомъ поворотѣ мысли. Но мы боялись бы пристать къ нему, еслибы намъ суждено было вліятельное слово и дѣло: намъ кажется онъ не совсѣмъ практическимъ и рискованнымъ.

По нашему мнѣнію, можно быть защитникомъ стараго устава духовныхъ академій и не пристрастному поклоннику старины, — и въ настоящее время нѣтъ особенно вызывающихъ причинъ подвергать существенной ломкѣ созданное имъ учебное учрежденіе: такая ломка была бы насиліемъ для жизни, посягательствомъ на ея цѣлость, а не возвышеніемъ ея. За старый уставъ духовныхъ академій говоритъ безспорное достоинство его основной идеи, строгое и послѣдовательное развитіе ея въ подробностяхъ и наконецъ пятидесятилѣтній опытъ, свидѣтельствомъ котораго, кажется, нельзя пользоваться въ укоръ духовнымъ академіямъ. Воспитанники духовныхъ акаде-

мій доселѣ не уступали воспитанникамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и въ крѣпости мысли и въ способности къ ученому труду, и полезные слѣды ихъ трудовъ подробная исторія отмѣчаетъ на разныхъ поприщахъ жизни. Реформаторы-теоретики, слѣдующіе болѣе голосу своей отвлеченной мысли, чѣмъ указаніямъ жизни, не затрудняются въ измышленіи новыхъ учебныхъ организацій, и съ полною надеждою на успѣхъ выступаютъ на смѣлую борьбу съ завѣщанными намъ формами жизни. Но чѣмъ больше приходится слышать возраженій противъ состоятельности стараго устава духовныхъ академій въ той или другой части, чѣмъ, по видимому, они сильнѣе и доказательнѣе, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ его достоинствѣ и неудобозамѣнимости новыми проэктми, и если прежде являлись сомнѣнія въ пользѣ и жизнечности тѣхъ или другихъ частей стараго, духовно-учебнаго высшаго учрежденія, то новыя проэктны и возраженія способны не раздуть ихъ, а скорѣе уничтожить, и чрезъ то побудить больше привязаться къ тому, что вызываетъ у другихъ строгую критику и отрицаніе. Сколько намъ ни случалось выслушивать новыхъ проэктвъ, заявляющихъ претензію являться на смѣну стараго устава духовныхъ академій, всѣ они, если не нарушаютъ согласнаго строя частей въ этихъ заведеніяхъ и не прибавляютъ къ нимъ лишняго обременительнаго груза,—грозятъ или цѣльности высшаго богословскаго образованія, или его твердости и основательности.

Можетъ быть, нашимъ сужденіемъ руководить тайное, для насъ самихъ незамѣтное, пристрастіе. Мы, сознаемся, принадлежимъ къ тому поколѣнію студентовъ академія, которое выносило съ собою на поприще жизни изъ стѣнъ этого заведенія благоговѣйную и признательную память къ нему за то добро, какимъ оно падѣляло своихъ воспитанниковъ. Мы твердо вѣрили въ безспорную силу его просвѣтительнаго вліянія, и каждое нападеніе на родную школу, умѣвшую внушать

къ себѣ и любовь и уваженіе, считали оскорбленіемъ своей чести, тою кровною обидою, которая поднимала въ насъ и возбуждала къ защитѣ оскорбленное самочувствіе. Какъ съ матерью, прощались мы съ академіею, и въ впечатлѣніи, нами выносимомъ изъ нея, слышались одни свѣтлые образы, которые дѣлали незамѣтными рѣдкія темныя пятна. До послѣднихъ годовъ прошлаго десятилѣтія сохранялись такія чувства между воспитанниками академій, и въ числѣ ихъ теперь вы можете находить такихъ восторженныхъ поклонниковъ школы, давшей имъ окончательное образованіе, которые не могутъ равнодушно говорить о ней, какъ о какой святынь. Надъ подобными чувствами могутъ смѣяться, какъ надъ наивностію, тѣ люди, которые, разыгрывая роль Иванаушки, сына Фонъ-Визинскаго Бригадира, задаютъ себѣ вопросъ: обязаны ли они хотя малѣйшимъ респектомъ тѣмъ, отъ кого получили свое образованіе и общественное значеніе? Для насъ эти чувства—многозначительное слово въ пользу тѣхъ учреждений, цѣлость и учебно-воспитательное значеніе которыхъ многіе готовы подвергать сомнѣнію и осмѣиваются заносить надъ ними угрожающую руку. Такой привязанности и признательности и такого почтенія къ себѣ не могли бы внушать духовныя академіи своимъ воспитанникамъ, еслибы въ нихъ не было благотворной просвѣтительной силы, и еслибы утрачено было ими жизненное значеніе.

По этимъ соображеніямъ по меньшей мѣрѣ излишне подвергать обсужденію коренное устройство теперешнихъ академій и отваживаться на ломку основныхъ столбовъ зданія, съ честію просуществовавшаго около 50 лѣтъ, и имѣющаго надежду на долгую непоколебимую и полезную будущность. Зачѣмъ безъ нужды разшатывать то, что стоитъ твердо, когда у насъ предъ глазами нѣтъ надежнаго плана, по которому бы можно было создать новое великолѣпное учрежденіе? Есть частныя неудобства въ настоящемъ положеніи академій; есть дробныя

принадлежности, оказывающіяся несоотвѣтственными новому духу времени и перемѣнамъ, происшедшимъ въ близкихъ къ академіямъ и параллельныхъ имъ сферахъ. На эти неудобства и принадлежности и нужно обратить вниманіе, не заходя далеко и не принимая на себя лишней работы переустройства цѣлаго. Это будетъ самымъ естественнымъ и разумнымъ отношеніемъ къ дѣлу. А начинать ab ovo, подыскивать основаній для того учрежденія, которое существуетъ на лицо и стоитъ крѣпко—работа произвольная, прихотливая и въ тоже время самонадѣянная. Противъ заботы о возвышеніи и исправленіи существующаго кто станетъ говорить и вооружаться? Но эта забота, конечно, далека отъ предположеній касательно уничтоженія существующаго, въ видахъ разчистки почвы для новаго учрежденія. И если ревность при этой заботѣ заходитъ за предѣлы умѣренности и осторожности и вмѣсто исправленія и возвышенія проповѣдуетъ уничтоженіе для очищенія мѣста новому неизвѣданному рожденію, нельзя не остановить увлекающей мысли и не напомнить ей о долгѣ уваженія къ живущему.

Чтоже, при настоящемъ порядкѣ вещей въ академіяхъ, представляетъ неудобства и требуетъ перемѣны и исправленія?

Первое вниманіе у людей, разсуждающихъ объ академіяхъ, обращается на учебную программу. На этомъ предметѣ сосредоточены мнѣнія, напечатанныя въ Христіанскомъ Читаніи; сюда направлены всѣ ходячіе толки объ академіяхъ; такъ какъ здѣсь основаніе всей педагогически-просвѣтительной дѣятельности ихъ. Общее мнѣніе или мнѣніе большинства по крайней мѣрѣ находитъ теперешнюю учебную академическую программу слишкомъ многосложною: многосложность академическаго учебнаго курса затрудняетъ студентовъ въ отчетливомъ изученіи предметовъ преподаванія; не успѣвая изучить основательно

многихъ наукъ, входящихъ въ составъ академическаго курса, они хватаютъ верхушки и дѣлаются не учеными, а дилетантами. Мы говоримъ, что такъ полагаетъ общее мнѣніе; потому что мнѣніе, означенное въ Христіанскомъ Чтеніи буквами П. С., требующее введенія въ академіи и законовѣднія и естественной науки и всего прочаго, отпосащагося къ кругу знанія, есть мнѣніе исключительное, которому трудно искать себѣ сторонниковъ и защитниковъ. Въ слѣдствіе признанной многосложности теперешней академической программы выставляется на видъ необходимость ея сокращенія, для болѣе основательнаго изученія существенныхъ частей высшаго богословскаго знанія, и для облегченія студентовъ, обремененныхъ теперь, какъ полагаютъ, излишнимъ многоученіемъ. Какъ же можно сократить академическую программу, не нарушая полноты и цѣлости академическаго образованія, и не вредя его основательности, признанной многими и засвидѣтельствованной опытомъ?

Многимъ кажется въ настоящемъ случаѣ самымъ естественнымъ исправленіемъ дѣла исключеніе изъ академической программы свѣтскихъ или гуманитарныхъ наукъ, преподаваемыхъ нынѣ въ высшемъ курсѣ академій, и составляющихъ цѣлую половину предметовъ, изучаемыхъ въ академіи. Съ исключеніемъ этихъ наукъ изъ академической программы, академическій курсъ будетъ однороднѣе, приметъ видъ спеціального факультетскаго курса, и студенты, освобожденные отъ изученія гуманитарныхъ наукъ, больше времени могутъ посвятить на подробное изученіе богословскихъ предметовъ, и чрезъ то больше успѣть въ нихъ. Внутренняя связь, которая бы вызвала и требовала изученія гуманитарныхъ наукъ для самой полноты богословскаго образованія, не видна и не ясна для многихъ, и составителямъ прежняго устава приписываютъ часто только внѣшнія соображенія, по которымъ они въ одной учебной программѣ поста-

вили рядомъ нѣсколько разнородныхъ наукъ, не имѣющихъ между собою внутренняго соотношенія. Представленіе это до того распространилось у насъ, что даже тѣ, которые отстаиваютъ необходимость изученія гуманитарныхъ наукъ въ академіяхъ, руководствуются въ этомъ случаѣ сторонними и побочными побужденіями, а не внутренними цѣлями образованія, преслѣдуемаго въ академическомъ курсѣ. Первое мнѣніе изъ двухъ, помѣщенныхъ въ Христіанскомъ Чтеніи, дѣлая довольно основательную группировку предметовъ, долженствующихъ составлять академическій курсъ, оставляетъ въ немъ свѣтскія науки, но только потому, что для этихъ наукъ требуются наставники въ семинаріи; а такъ какъ въ семинарію наставники приготовляются въ академіи, то, значить, и нужно удерживать въ академической программѣ всѣ тѣ предметы, какіе проходятся въ семинаріяхъ. Программа, построенная на такомъ началѣ, можетъ представлять изъ себя кучу предметовъ, не связанныхъ между собою органически, а только поставленныхъ одинъ подле другаго механически. Изъ этой кучи можно произвольно исключать ея составныя части, равно какъ и прибавлять то или другое, по вызову разныхъ побочныхъ видовъ и обстоятельствъ, не нарушая ея сборнаго характера. Какъ будто приготовленіе наставниковъ для семинарій по всѣмъ предметамъ непременно въ академіи—такая необходимость, противъ которой нельзя спорить. Намъ могутъ сказать, что напримѣръ для математики, исторіи и другихъ подобныхъ предметовъ лучше могутъ приготовляться наставники на университетскихъ факультетахъ, преслѣдующихъ извѣстную спеціальность, чѣмъ въ академіяхъ, гдѣ предметы эти не могутъ имѣть факультетскаго широкаго развитія и не стоятъ на первомъ планѣ. Нравственныя соображенія, какими мы можемъ защищать себя, — дѣло случая, и на нихъ нельзя основать распоряженіе, имѣющее или долженствующее имѣть законодательную твердость.

При обсужденіи учебной программы нужно преслѣдовать не внѣшнія цѣли, а внутреннюю стройность и полноту образованія, и допускать въ нее только то, что требуется идеею, положенною въ ея основаніе. Въ настоящемъ разѣ эту идею служить высшее богословское образованіе, для достиженія котораго существуютъ духовныя академіи. По ней, по этой идеѣ долженъ опредѣляться составъ учебнаго курса, и мы желали бы, чтобы только эту идею измѣряли необходимость разныхъ наукъ для академическаго курса.

Строго держась такого начала, мы не можемъ рекомендовать исключенія гуманитарныхъ предметовъ изъ академической учебной программы. Намъ вовсе не кажется натяжкой, когда богословское знаніе приводятъ въ тѣсную и неразрывную связь съ гуманитарнымъ образованіемъ, и безъ этого образованія считаютъ его отрывочнымъ и неполнымъ. Богословская спеціальность, для своей собственной твердости и основательности, требуетъ хорошаго знакомства съ такъ называемыми *нравственными науками*, разсуждающими о духѣ человѣка и его произведеніяхъ. Наука вѣры, рѣшающая вопросы человѣческаго сознанія при свѣтѣ откровенія, показывающая намъ отношеніе Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, начинается не ex abrupto, и предметъ ея не отрѣшенъ отъ той почвы, на которой движется естественный человѣкъ. Религіозная наука есть прямое продолженіе естественной нравственной науки; потому что вѣра начинается тамъ, гдѣ кончается знаніе, и откровеніе, органъ вѣры, имѣетъ свою цѣлію внести свѣтъ въ неясную область обыкновенныхъ, естественнымъ путемъ рождающихся, возрѣній человѣка: для него, какъ и для естественнаго сознанія, почвою служатъ запросы, убѣжденія и законы, изъ какихъ слагается духовная жизнь человѣка. Между множествомъ спеціальностей, на которыя раздробилась сложная наука человѣческая, богословское знаніе и то, которое обни-

мидетя именовъ нравственныхъ наукъ, составляютъ двѣ неразрывныя половины одного цѣлаго, разнящіяся не столько предметомъ, сколько тѣми источниками, изъ которыхъ то и другое почерпають свои положенія. Между ними трудно провести рѣзкую грань, и нельзя лишать ихъ взаимодѣйственнаго вліянія, безъ уцѣрба для цѣлей знанія. Мы не надѣемся видѣть твердыхъ и основательныхъ богослововъ въ тѣхъ людяхъ, которые не ознакомлены надлежащимъ образомъ съ кругомъ нравственныхъ наукъ. Ихъ знаніе будетъ знаніе одностороннее и поверхностное, при самомъ подробномъ изученіи однихъ богословскихъ наукъ; въ ихъ мысли будетъ сказываться нѣкоторая беспомощность отъ незнакомства съ тѣмъ міромъ, на который направлено ихъ знаніе, и который они призваны просвѣщать словомъ откровенія; ихъ направленіе, при оторванности ихъ мысли отъ естественной почвы нравственнаго быта человѣка, можетъ страдать безплодною отвлеченностію и духомъ пренебреженія и вражды ко всему и достойному въ естественной сторонѣ человѣка,—вообще можетъ вдаваться въ тѣ крайности, которыя христіанское знаніе дѣлають часто безплоднымъ для жизни или подрываютъ довѣріе и уваженіе къ богословской наукѣ въ умахъ, извѣдавшихъ сладость обыкновенной естественной науки. Боязнь фальшивыхъ ученій не должна смущать насъ, при мысли о допусціи въ богословскій курсъ свѣтскихъ наукъ. При руководствѣ академической конференціи, они не могутъ найти мѣста на академическихъ кафедрахъ. Фальшивыя ученія тогда скорѣе найдутъ доступъ къ молодымъ умамъ, когда мы, въ области гуманнаго знанія, оставимъ ихъ безъ руководства и предоставимъ имъ самимъ составлять свои взгляды на разные предметы нравственной науки.

Прибавимъ къ этому, что нравственное знаніе есть потребность и достоинствѣ каждаго человѣка, въ смыслѣ ли знанія научнаго или непосредственно приобретаемаго человекомъ, на

естественномъ пути его развитія. Потому нравственныя науки извѣстны подъ именемъ гуманныхъ или собственно-человѣческихъ наукъ. Названіе показываетъ ихъ преимущественное значеніе для человѣка. Когда человѣкъ развивается, и крѣпнеть въ своемъ сознаніи, въ немъ развивается и крѣпнеть нравственное знаніе. Безъ этого знанія онъ какъ будто не имѣетъ существенной принадлежности человѣческаго достоинства. Ученый спеціалистъ, какъ бы ни была далека его спеціальность отъ того, что составляетъ содержаніе нравственныхъ наукъ, не можетъ совершенно чуждаться гуманнаго знанія, безъ вреда для собственнаго достоинства. Напротивъ возвышеніе его спеціальныхъ знаній влечетъ за собою соответственное возвышеніе и гуманнаго образованія: чѣмъ выше зданіе, тѣмъ глубже и тверже должно быть основаніе. Иначе шатка и не стройна будетъ умственная личность спеціалиста. Если спеціальность высшихъ военно-учебныхъ заведеній признаетъ для себя необходимымъ, болѣе подробное и широкое изученіе нѣкоторыхъ гуманныхъ наукъ, въ соответствіе съ высокимъ уровнемъ своего частнаго образованія, то странно было бы академіямъ устранять изъ своего курса главныя изъ гуманныхъ наукъ, — когда богословская спеціальность преслѣдуетъ тѣ же цѣли, какія достигать указано и нравственнымъ наукамъ. Намъ нельзя подражать медицинскимъ факультетамъ, которые, преслѣдуя чисто-практическія цѣли, не даютъ у себя мѣста духовно-нравственнымъ наукамъ, не имѣющимъ отношенія къ изучаемому на нихъ ремеслу. Но и представители этого реальнѣйшаго факультета признаютъ иногда односторонность образованія, въ немъ общаемаго. Жизнь заставляетъ служителей медицины чувствовать часто замѣтныя пробѣлы въ ихъ знаніи: отъ того многіе изъ нихъ собственнымъ трудомъ дополняютъ то, чего не дала школа, а другіе дѣлаются матеріалистами въ своихъ воззрѣніяхъ отъ того, что при сильномъ развитіи односторонней спеціальности мало дано мѣста духовному знанію.

Намъ могутъ сказать, что знаніе гуманитарныхъ наукъ сообщается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и воспитанники духовныхъ академій отсюда должны получать все, нужное для нихъ, свѣтское образованіе. Но среднія учебныя заведенія имѣютъ въ виду не столько знаніе, сколько развитіе учащихся; наука въ нихъ является не самостоятельнымъ предметомъ изученія, а только средствомъ. Притомъ и самый возрастъ учащихся дѣлаетъ ихъ мало способными къ слушанію наукъ и усвоенію ихъ содержанія въ томъ объемѣ, какой требуется для высшаго учебнаго заведенія. Можетъ ли напримѣръ хорошо ознакомиться съ философіею мальчикъ 14 или 15 лѣтъ? Что касается словесности и исторіи, то, сколько намъ извѣстно, поселѣ не по пустому капризу высшее богословское образованіе не удовлетворялось тѣмъ ограниченнымъ размѣромъ, въ какомъ допущено преподаваніе этихъ наукъ въ средней школѣ, по указанію здравыхъ педагогическихъ началъ. Словесность являлась тамъ въ разныхъ видахъ и съ разными претензіями, но существеннымъ въ ней всегда оставался не научный элементъ, а практическій, руководствующій молодыхъ людей въ дѣлѣ авторства. Литературный міръ, въ которомъ выявляются и созрѣваютъ желанія и идеалы, совершенства и болѣзни смѣняющихся поколѣній, заслуживаетъ отъ образованнаго богослова болѣе серьезнаго вниманія и изученія, чѣмъ какимъ надѣляетъ его средняя школа, тѣмъ болѣе, что литература—одно изъ средствъ, которымъ приводится въ общество и доброе и худое вліяніе: здравый критическій взглядъ на литературныя явленія, по нашему представленію, вовсе не роскошь для богослова, призваннаго просвѣщать общество. Но развитіе и укрѣпленіе этого взгляда едва ли достаточно можетъ быть обезопасено словесностію, предназначенною для среднихъ учебныхъ заведеній. Исторія (которую вліятельные руководители общественнаго мнѣнія вовсе готовы исключить изъ программы

среднихъ учебныхъ заведеній, въ подражаніе англійскимъ школамъ) въ среднихъ школахъ можетъ сообщить только крупныя и общіе факты, и не имѣетъ своею задачею возвысить воспитанника до *яснаго* пониманія тѣхъ нравственныхъ законовъ, какими опредѣляется жизнь народовъ и человѣчества.

Другое мнѣніе, для облегченія занятій студентовъ академіи при многосложной учебной программѣ, предлагаетъ ввести спеціализацію курса или, собственно говоря, раздѣленіе его на двѣ или на три группы.—При этомъ раздѣленіи одни предметы предполагаются обязательными для всѣхъ студентовъ, а другіе, представляютъ параллельныя отдѣленія, и каждый студентъ по выбору слушаетъ ту или другую группу предметовъ; избравшій одну группу для изученія тѣмъ самымъ освобождается отъ изученія другихъ группъ и не обязанъ посѣщать классы, не принадлежащія къ его отдѣленію. Академія при этомъ въ миниатюрѣ представлять будетъ собраніе факультетовъ или нѣчто похожее на то, и въ немъ одни будутъ на примѣръ церковными историками, другіе экзегетами, третьи полемистами и т. д. Начало такому раздѣленію на параллельныя группы, въ отношеніи къ нѣкоторымъ предметамъ академическаго курса, положено еще въ старомъ уставѣ, который, *раздѣлявши всѣ предметы академической программы на необходимые и второстепенные*, допустивъ для нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ параллельныя дѣленія. Такими предметами въ немъ поставлены съ одной стороны гражданская исторія, съ другой физика и математика, и еще новые языки,—французскій и нѣмецкій. При этомъ изучавшій исторію уже не слушалъ физико-математическихъ наукъ, изучавшій французскій языкъ не изучалъ нѣмецкаго. Первое впрочемъ не всегда допускалось на практикѣ, хотя въ уставѣ дано было на то дозволеніе.

Понятно само собою, что дѣлать не общеобязательными для студентовъ можно только предметы не первостепенной

важности, какъ это допущено въ прежнемъ уставѣ, но было бы противно цѣли академическаго образованія слишкомъ далеко простираеть эту необязательность. Что составляетъ существенную принадлежность высшаго богословскаго образованія, что придаетъ ему особенно солидный характеръ и служить гарантіею его прочности и полноты, то не можетъ быть низводимо на степень предметовъ, предоставляемыхъ въ изученіи собственному выбору студентовъ, и не для всѣхъ необходимыхъ. Желаніе облегчить для студентовъ трудное дѣло науки не должно быть въ соображеніяхъ объ академической программѣ всеподчиняющимъ себѣ предположеніемъ. Ему могутъ быть сдѣланы уступки, какъ разсчету *ad hominem*, разсчету второстепенному. Но было бы странно изъ-за него посягать на цѣлость академической программы и академическій курсъ дробить на quasi факультетскія подраздѣленія. Между тѣмъ во вновь зарождающихся проэктахъ и предположеніяхъ касательно учебной части академій, увлеченія въ смыслѣ дѣлимости курса на параллельныя группы заходятъ за предѣлы осторожности и клонятся къ тому, чтобы заставить академіи выпускать не образованныхъ богослововъ, а специалистовъ той или другой науки, входящей въ курсъ академическаго образованія. Какъ будто специальное званіе одного какого либо отдѣла богословской науки можетъ быть чѣмъ нибудь твердымъ и законченнымъ, безъ соотвѣтственнаго знакомства съ цѣлымъ кругомъ науки, вызвавшей къ бытію выснія спеціальныя духовныя заведенія! И университеты, гдѣ существуетъ нѣсколько факультетовъ, не дробятъ однородной факультетской специальности на нѣсколько отдѣленій, какъ бы ни была широка сама въ себѣ та или другая спеціальность. Что было бы за юристъ, филологъ или медикъ, если бы онъ въ школѣ знакомился только съ половиною или хоть съ двумя третями наукъ своего факультета, вовсе не слушая прочихъ наукъ входящихъ суще-

ственно въ составъ того же факультета? Высшая частнѣйшая спеціальность, избирающая для себя какой либо предметъ изъ среды науки факультетской, по нашему мнѣнію, вовсе не дѣло школы, хотя бы и высшей; она можетъ быть предоставлена домашнему самостоятельному труду. Школа, если угодно, можетъ готовить къ такой спеціальности; но это приготовленіе должно состоять въ возможно-полномъ ознакомленіи съ кругомъ той науки, къ которой относится та или другая спеціальность, а не въ преждевременномъ приуроченіи несозрѣвшей и недоученой мысли къ какой либо тѣсной ячейкѣ.

Специализація, допускаемая въ Христіанскомъ Читаніи въ мнѣніи А. Х., еще довольно осторожна: она не посягаетъ на существенно-необходимое для высшаго богословскаго образованія. Но другіе ея смѣлость считаютъ робостію, и готовы не дѣлать общеобязательными даже такіе предметы, какъ церковная исторія, всеобщая и русская, нравственное богословіе, каноническое право, не говоря о другихъ наукахъ, не являющихся своей важности для богословскаго курса однимъ своимъ названіемъ. Вотъ напримѣръ, инымъ какое представляется лучшимъ устройство академическаго курса: сдѣлать обязательными для всѣхъ св. писаніе, догматическое богословіе съ основнымъ, исторію, философію, прочіе всѣ предметы академическаго курса они хотятъ раздѣлить на кругъ наукъ теоретическихъ и на кругъ наукъ историческихъ, и по выбору студентовъ одинъ кругъ дѣлать обязательнымъ для однихъ, а другой для другихъ. При этомъ половина людей высшаго богословскаго образованія не знала бы церковной исторіи, исторіи церковной письменности и т. под., а другая не знала бы нравственнаго богословія, каноническаго права и проч.. Намъ кажется слишкомъ смѣла подобная затѣя, и мы чувствовали бы не малое смущеніе, еслибы обстоятельства заставили насъ опровергать эту затѣю, и выставить всѣмъ замѣтные пробѣлы

нѣ образованіи воспитанниковъ академіи, какіе были бы слѣдствіемъ *исправленія* прежней учебной академической программы.

Мы не желали бы ни исключать изъ академической программы свѣтскія науки, нужныя для полноты и основательности богословскаго образованія, ни рекомендовать дробленіе академическаго курса на quasi-факультетскія отдѣленія. Старая или нынѣ дѣйствующая учебная программа намъ представляется очень разумною и достойною уваженія. Всѣ предметы, которые признаются нужными для полноты высшаго богословскаго образованія, должны быть обязательны для всѣхъ студентовъ. Что это за высшее богословское образованіе, когда оно рѣшается обходиться безъ существенныхъ нравственныхъ наукъ или освобождаетъ своихъ адептовъ отъ изученія иныхъ, и коренныхъ, богословскихъ наукъ? Если теперешняя программа слишкомъ разтолстѣла и усложнилась, то нужно подумать о ея упрощеніи и такомъ сокращеніи, какое возможно безъ нарушенія полноты и твердости академическаго образованія. Это упрощеніе намъ кажется единственнымъ исправленіемъ, какое можно рекомендовать въ настоящемъ случаѣ: иначе можно опасаться, какъ бы вмѣсто исправленія не произвести искаженія. Бѣды не будетъ, по нашему мнѣнію, если при этомъ упрощеніи многосложной академической программы придется пожертвовать тою или другою дробною вѣтвью богословской науки. Богословская наука слишкомъ раздробилась въ послѣднее время, и много эпизодическихъ частностей, иногда безъ необходимости, возрастаютъ въ самостоятельныя кафедры. Опытъ показываетъ, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, что для возвышенія уровня образованія не столько нужно заботиться о количествѣ и дробленіи наукъ, сколько о большемъ сосредоточеніи вниманія на главномъ и существенномъ. Какъ скоро поднято главное и существенное, за симъ само собою возвышается частное знаніе, изъ него вырастающее, но не наоборотъ.

Лишніе эпизоды, пріобрѣтшіе значеніе самостоятельнаго цѣлаго, могутъ безъ нужды развлечь и спутать вниманіе учащихся, вмѣсто того, чтобы обогатить его.

Пересматривая программу академическую, мы желали бы означить въ ней существенно-нужные предметы и ихъ сдѣлать общеобязательными. Требуя введенія этихъ предметовъ въ академическій курсъ, программа, конечно, не запрещаетъ, по мѣрѣ надобности, конференціямъ или духовно-учебной администраціи открывать новыя каѳедры въ той или другой академіи временно или навсегда. Эти новыя каѳедры, не предписанныя основною программой, могутъ быть и не быть, не измѣняя кореннаго строя академическаго образованія, и потому предметы, на нихъ раскрываемые, пожалуй, вовсе могутъ быть не обязательны для студентовъ, и они могутъ слушать или не слушать ихъ, по своему желанію, если для нихъ тяжело будетъ изученіе существенныхъ наукъ.

Какія же науки нужно признать существенно-нужными для академіи, какъ высшаго богословскаго учебнаго заведенія? Мы признаемъ нужными для академіи слѣдующія каѳедры: 1) догматическаго богословія, 2) нравственнаго богословія, 3) экзегетическаго богословія или библіологіи, 4) церковной исторіи, — всеобщей и русской, 5) исторіи церковной письменности, 6) каноническаго права, — изъ свѣтскихъ: 1) каѳедру философіи, куда войдутъ метафизика, исторія философіи, и педагогика, 2) каѳедру словесности, 3) каѳедру гражданской исторіи и 4) каѳедру физики. Указанными здѣсь предметами обнимается существенный кругъ знаній, необходимыхъ для богослова съ высшимъ образованіемъ. Могутъ быть вводимы въ академическій курсъ другія науки, не поименованныя нами; но не въ нихъ будетъ заключаться коренная цѣль, которая предположена для академіи. Но съ другой стороны исключеніе

той или другой кафедрой изъ причисленныхъ нами къ основнымъ кафедрамъ сопровождалось бы замѣтнымъ вредомъ для полноты и твердости академическаго образованія.

Кафедры должны быть поставлены такъ, чтобы на нихъ не слышалось повтореніе того, что пройдено въ семинаріи или вообще въ среднемъ учебномъ заведеніи.

Къ кафедрѣ догматическаго богословія должно быть отнесено то, что составляетъ содержаніе такъ называемаго основнаго богословія. Основное богословіе, по своему предмету, не есть особая самостоятельная наука, а введеніе въ общій курсъ богословія. Самое названіе его—наслѣдіе схоластики, отличавшей богословіе умственное отъ богословія откровеннаго или богословія вѣры и приписывавшей иногда слишкомъ много значенія доказательствамъ разума въ дѣлѣ догматовъ вѣры. Оно вноситъ притомъ ложный оттѣнокъ въ представленіе о богословской наукѣ: по нему какъ будто основаніе нашей догматики есть умственное разсужденіе; между тѣмъ какъ ни одинъ богословъ не признаетъ этого за истину. Ужь скорѣе священное Писаніе и преданіе есть наше основное богословіе: потому что здѣсь коренныя основанія всей богословской науки. Если основное богословіе рѣшаетъ общіе вопросы о религіи и откровеніи и т. под., то это не даетъ ему права на названіе основнаго, а скорѣе вводнаго или вступительнаго. Если основное богословіе захватываетъ себѣ другіе предметы, сверхъ тѣхъ, какіе естественны въ введеніи въ богословіе, то не позволеть ли оно себѣ содержанія философской науки? Какъ скоро есть въ программѣ философія, какъ наука, то пусть она будетъ пропедевтикою къ богословію, и дастъ отиѣтъ на основныя вопросы нашего сознанія. Отсюда выдѣлать частныя элементы и изъ нихъ строить особую пропедевтическую къ богословію науку и величать еще ее именемъ основнаго богословія—дѣло какъ будто излишнее, но экономное и не расчлѣняющее.

Въ самомъ преподаваніи догматическаго богословія должна быть найдена и выполнена новая сторона, отличная отъ той, какаѣ преслѣдуется въ семинаріяхъ. Въ семинаріяхъ положительная сторона вѣроученія составляетъ не только преимущество, но даже почти исключительное дѣло. Въ академіяхъ положительная сторона предполагается болѣе или менѣе известною, и потому здѣсь, на кафедрѣ догматическаго богословія, должно быть преслѣдуемо углубленіе и уясненіе вѣросознанія. Это можетъ быть достигнуто, когда преподаватель обратитъ вниманіе на историческую и апологетическую сторону христіанской православной догматики. Потому сущность здѣсь будетъ таже, но студенты, знакомые съ догматикою по семинарскому курсу, будутъ слышать новое въ этой наукѣ вносящее больше свѣта въ ихъ сознаніе.

Подобнымъ образомъ можно углубить содержаніе другихъ наукъ, послѣ преподаванія семинарскаго другой разъ выслушиваемыхъ студентами академіи. Понятно, какъ это можетъ быть сдѣлано на кафедрѣ св. Писанія или церковной исторіи. Св. Писаніе вызвало много обширныхъ изслѣдованій; толкованіе его имѣетъ богатую исторію, и въ настоящее время въ области этой науки существуетъ нѣсколько рѣзкихъ направленій, изъ спеціальной ученой области проторгающихся въ сферу популярной литературы и общаго міровоззрѣнія; при посредствѣ разныхъ сочиненій, въ родѣ сочиненія «жизнь Иисуса» Ренана. Съ этими направленіями нужно не только познакомить, ихъ нужно всесторонне обслѣдовать, указать ихъ научные грѣхи и дать въ руки всѣ возможныя средства къ борьбѣ съ ними. Возникаетъ задача, удовлетворенія которой не можетъ доставить семинарія, долженствующая преслѣдовать непосредственное знакомство съ содержаніемъ и духомъ св. Писанія и доставленіе яснаго пониманія его...

Мы впрочемъ не смѣемъ предрѣшать вопросы о методѣ, планѣ и объемѣ преподаванія наукъ въ академіи. Своими на-

мками мы хотимъ дать понять только разницу въ степеняхъ раскрытія той или другой науки въ среднемъ и въ высшемъ учебномъ заведеніи. Мы назвали бы непрактичнымъ того преподавателя, который рѣшился бы излагать науку въ семинаріи по академическимъ запискамъ или только въ сокращеніи повторять ея программу. Равнымъ образомъ мы сочли бы дѣломъ излишнимъ, еслибы академія только варіировала науки, излагаясь въ семинаріяхъ и заставляла своихъ профессоровъ преподавать свои предметы въ томъ видѣ, въ какомъ они должны быть преподаваемы въ семинаріи. Тогда богословская наука въ академіи не достигла бы высшей степени своего развитія, и стѣснила бы свободу своихъ изслѣдованій приспособленіемъ къ тѣмъ служебнымъ цѣлямъ, къ каковымъ ее усаченно наклоняють. Въ тоже время студенты скучали бы вторичнымъ изложеніемъ пройденнаго ими, и вмѣсто того, чтобы интересоваться главнымъ предметомъ своей специальности, наживали бы апатическое равнодушіе къ нему. Опыты прежнихъ лѣтъ свидѣтельствуютъ, что въ академіяхъ науки, читаемыя на низшемъ курсѣ, съ большимъ интересомъ выслушивались студентами, чѣмъ науки высшаго курса,—собственно богословскія. Въ объясненіе этого приводили разные, иногда и неблаговидныя, причины. По нашему мнѣнію, это просто-на-просто зависѣло отъ того, что на низшемъ курсѣ они встрѣчали новыя предметы или по крайней мѣрѣ новую постановку предмета, не такую, какая дана была ему въ семинаріи. А науки высшаго курса, хорошо извѣстныя имъ по семинаріи, не манили ихъ новостію своего содержанія, при недостаточномъ разграниченіи средствъ и цѣлей высшаго и средняго образованія.

Не считая нужнымъ дѣлать замѣчаніе о каждой наукѣ академической программы, мы не можемъ обойти своимъ вниманіемъ тѣхъ, которые совершенно забрасываютъ при настоящихъ толкахъ о переустройствѣ академій, но которые, по на-

шму представлепію, существенно необходимы въ высшей богословской школѣ. Мы разумѣемъ *исторію церковной письменности*. Въ названіи этого предмета каждый видитъ богатое содержаніе, какое подъ нимъ заключается. Это богатое содержаніе, имѣя интересъ само по себѣ для человѣка не одного богословскаго образованія, даетъ руководство и даже источникъ для положительнаго ученія христіанскаго, а съ другой стороны служить ему самымъ лучшимъ поясненіемъ. Источникъ и руководство для теоретической богословской науки даютъ писанія отцовъ и учителей церкви, раскрывающія преданіе и голосъ церкви о существенныхъ пунктахъ нашего религіознаго сознанія: съ этой стороны эти писанія заслуживали бы вниманія тотчасъ послѣ священнаго Писанія. Поясненіе для всѣхъ положеній богословской науки вы найдете въ трудахъ представителей разныхъ поколѣній, путемъ споровъ и тяжелаго напряженія мысли приобрѣтавшихъ доли истины для своихъ современниковъ и потомства. Самыя заблужденія прежнихъ временъ, оставленныя намъ въ далекихъ письменахъ, служатъ въ нашу пользу, предохраняя насъ отъ колебаній и нерѣшительныхъ шатацій мысли. Если въ обще-человѣческомъ образованіи исторія литературы составляетъ одинъ изъ необходимыхъ предметовъ: то какъ же не быть этой исторіи по отношенію къ духовной литературѣ, въ высшемъ спеціальному богословскомъ заведеніи? Что за спеціалистъ-богословъ, когда онъ не знакомъ съ памятниками богословской письменности? И что это за высшее богословское образованіе, когда въ школѣ, для него назначенной, нѣтъ кафедръ для ознакомленія съ обширнымъ цикломъ духовной литературы, и даже отеческой? Намъ странно было видѣть, что и солидное мнѣніе, напечатанное въ Христіанскомъ Чтеніи, перечисляя предметы, которые нужны преподавать въ академіи, исключаетъ изъ нихъ не только церковную литературу, но и даже патрологію, исторію отеческой

литературы, нашего руководительнаго и источнаго начала въ дѣлѣ изученія вѣры христіанской. Могутъ задачу ознакомленія съ этимъ важнымъ предметомъ приурочивать къ кафедрѣ церковной исторіи. Но кафедра церковной исторіи и такъ слишкомъ обширна: она не можетъ посвящать разбору письменныхъ памятниковъ исторіи, литературно-духовнаго развитія всего того вниманія, какого заслуживаетъ этотъ предметъ. Въ области гуманнаго знанія исторія, литература законно отдѣлилась отъ общей гражданской исторіи, и никто не думаетъ уничтожать первый предметъ для втораго, или поглощать его вторымъ. Ужели не такъ въ области духовнаго-богословскаго знанія? Еще меньше надежды на успѣшное изученіе важнаго предмета, когда его совмѣстятъ съ кафедрою общей словесности. Входя въ нее, какъ частный отдѣлъ, она совершенно будетъ ступшеываться здѣсь предъ обширною литературою свѣтскаго характера, и ей можетъ быть удѣлено тутъ только небольшое относительно мѣсто. Та мѣра знанія духовной литературы, какаѣ требуется отъ богослова высшаго образованія, вовсе не можетъ быть достижима при этомъ побочномъ привнесеніи существеннаго для богослова предмета на чужую кафедру. Пожалуй, о такихъ свѣтилахъ церкви, каковы св. Василій Великій, св. Григорій Богословъ, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Афанасій Великій, только поверхностныя свѣдѣнія можетъ сообщить кафедра общей словесности. А что сказать о другихъ, важныхъ для богослова, писателяхъ, но не пріобрѣтшихъ вселенскаго авторитета? Такія ли свѣдѣнія, ожидаются отъ спеціалиста-богослова, вышедшаго изъ высшей духовной школы?

Многихъ въ этомъ случаѣ соблазняетъ, кажется, исключеніе патрологіи изъ семинарской программы. Но тамъ это исключеніе можетъ быть законнымъ; потому что для средняго учебнаго заведенія, каковымъ служитъ семинарія, не можетъ быть задачею всестороннее изслѣдованіе спеціальной науки.

Образование, не имѣющее приязнанія на полноту и совершенную законченность, можетъ не стыдиться такихъ или другихъ пробѣловъ или поверхностныхъ свѣдѣній въ той или другой части. Ужели и академическое образование въ этомъ случаѣ должно подражать семинарскому?

Каедра, какую мы желаемъ видѣть въ академіяхъ, не будетъ совершенною новостію. Въ ней совмѣстятся цѣлыхъ двѣ каедры, теперь существующія въ академіи, именно, каедра *патрологии* и каедра *гомилетики*. Отечественная литература на ней будетъ главнымъ и преимущественнымъ предметомъ вниманія; но мы не желали бы ограничивать предѣлы науки только отеческою письменностію. Для богослова имѣетъ значеніе и интересъ литературное движеніе христіанской мысли и внѣ предѣловъ древне-отеческаго періода, и онъ долженъ слѣдить за развитіемъ на всѣхъ степеняхъ церковной жизни. Гомилетика, какъ формальная наука, можетъ не имѣть особой каедры въ академіи. Для нея назначено много мѣста въ семинаріи, и наставнику гомилетики, еслибы она была непремѣннымъ предметомъ академическаго курса, трудно было сказать что нибудь новое, послѣ подробнаго изложенія ея въ семинарскомъ курсѣ, и слушатели его стали бы скучать повтореніемъ уже пройденнаго ими, какъ бы ни было блистательно это повтореніе. Гомилетика существуетъ для практическихъ цѣлей, и сама въ себѣ, будучи руководствомъ къ проповѣдничеству, мало имѣетъ научнаго элемента. Въ учебномъ заведеніи, въ которомъ преслѣдуются цѣли высшаго духовнаго образованія, научный интересъ долженъ быть на первомъ планѣ, и практическое руководство къ проповѣдничеству, помимо изученія формальныхъ правилъ, можетъ вестись путемъ изученія образцовъ проповѣдничества. Здѣсь, въ этомъ изученіи, прямой интересъ для знанія богословское сознаніе обогащается положительнымъ содержаніемъ, и въ изучаемыхъ памятникахъ про-

повѣдничества видеть для себя руководство живое, а не мертвое, знакомящее не только съ внѣшними приѣмами, но и съ внутреннимъ духомъ и характеромъ истиннаго церковнаго слова.

Мы, кажется, не исключили изъ академической программы ни одной значительной и самостоятельной отрасли богословской науки. А между тѣмъ нами начертанная программа богословскихъ наукъ, необходимыхъ въ составѣ академическаго курса, значительно упростилась и облегчилась противъ теперешняго ея состава. Кромѣ гомилетики, мы не поименовали библейской исторіи, литургики, обличительнаго богословія и ученія о расколѣ. Намъ кажется, богословское образованіе ничего не потерпитъ въ своей силѣ и даже полнотѣ, если студенты академіи не будутъ слушать нарочитыхъ курсовъ по этимъ наукамъ, а потому онѣ могутъ быть и не быть въ академіи.

Библейскую исторію мы опускаемъ изъ академической программы на томъ же справедливомъ основаніи, по которому исключилъ ее изъ семинарской программы комитетъ, Высочайше учрежденный для составленія новаго устава духовныхъ семинарій. Будучи извѣстна всѣмъ и не духовнымъ воспитанникамъ изъ элементарнаго курса, гдѣ она составляетъ необходимымъ и первый предметъ, библейская исторія воспитанниками духовной школы изучается по самымъ источникамъ, т. е., по книгамъ св. Писанія, знаніе которыхъ самое полное требуется непременно отъ воспитанника академіи. При существованіи же двухъ самостоятельныхъ кафедръ, библейской исторіи и св. Писанія, могутъ встрѣчаться частія повторенія одного и того же, а чрезъ это произойдетъ перазчетливая трата времени. Чего нѣтъ въ библейскихъ книгахъ, то не составляетъ предмета библейской исторіи, а входитъ въ другія соприкосновенныя науки, и для разъясненія мало связаннаго и оупцен-

наго въ св. Писаніи по исторіи ветхозавѣтной церкви учреждать особую кафедру было бы большою роскошью. Разъясненіе, если оно нужно, будетъ даваться на кафедрѣ св. Писанія, или извлекаться изъ общей гражданской исторіи.

Предметъ литургики—церковное богослуженіе—имѣетъ несомнѣнную важность, и мы не представляемъ себѣ богослова безъ знанія его. Но эта наука принадлежитъ къ числу такихъ, которыя менѣе прочихъ допускаютъ разныя степени своего развитія, и потому повторенія ея въ академіи нѣтъ нужды узаконять, послѣ того, какъ она существуетъ въ семинарской программѣ. Наставникъ литургики въ академіи, при теперешнемъ положеніи вещей, предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ хорошее знакомство съ своимъ предметомъ, и потому, при желаніи добросовѣстнаго исполненія своего долга, въ видахъ болѣе интересной постановки своего предмета, задаетъ себѣ задачи, которыя представляются напраснымъ уклоненіемъ отъ прямого пути. Вызывая недоумѣнія у людей, контролирующихъ веденіе учебнаго дѣла въ академіи, онѣ могутъ давать поводъ къ ограниченію кажущагося проавола наставника. Между тѣмъ этотъ произволъ—необходимое слѣдствіе желанія избѣгать неинтересныхъ повтореній уже пройденной студентами науки.—Большаго пробѣла мы не видимъ, если не будетъ въ академическомъ курсѣ кафедры для изложенія литургики, даже независимо отъ того, что публичныя свѣдѣнія по ней сообщаются въ семинаріи. Знаніе церковнаго обряда первѣе всего пріобрѣтается практическимъ путемъ; основные вопросы о богослуженіи входятъ въ нравственное богословіе, которое должно показывать основаніе и способы богопочтенія, а внутренняго и вѣншаго, и археологическая часть не обходится и церковною исторіею.

Облачительное богословіе не имѣетъ положительнаго предмета и безъ настоящей нужды выдѣляется изъ состава

другихъ наукъ. Содержаніемъ его служатъ разныя уклоненія отъ церковнаго догмата и ихъ опроверженіе, къ чему присоединяется историческое обозрѣніе происхожденія вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ оно сущностію своею имѣетъ отрицаніе, — ложь, какъ уклоненіе отъ истины, и показаніе несостоятельности этой лжи. Но отрицаніе чего бы то ни было имѣетъ ли значеніе самостоятельнаго цѣлаго, если оторвать его отъ положенія? Оно естественнымъ образомъ примыкаетъ къ изложенію положительной истины, и тамъ цевольно вызывается самымъ ходомъ дѣла. Если нужно богослову цѣльное представленіе о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ, его не дасть опроверженіе частныхъ положеній, принятыхъ въ томъ или другомъ церковномъ обществѣ, оторванныхъ отъ цѣльной системы вѣроученія: его скорѣе можно получить, при историческомъ обзорѣ происхожденія и развитія разныхъ церквей и обществъ христіанскаго міра. А это прямой предметъ исторіи церкви. Теперь, при существованіи отдѣльной кафедры для обличительнаго богословія, могутъ быть такіе курьезы, доказывающіе излишнее существованіе этой кафедры. Приходитъ въ классъ наставникъ обличительнаго богословія, и читаетъ напрямѣръ о кбаберахъ; черезъ часъ является наставникъ церковной исторіи, и онъ почти буквально повторяетъ слова наставника обличительнаго богословія. Или на классѣ догматики, при изложеніи догмата объ исхожденіи Св. Духа, приводятся подробно всѣ доказательства въ пользу православнаго ученія и въ опроверженіе ложнаго ученія западной церкви. На другой день таже лекція идетъ на кафедрѣ обличительнаго богословія, и т. под. Разграничительной линіи, точной и опредѣленной между этими предметами провести нельзя, когда по существу своему обличительное богословіе только признанка догматическаго, а въ исторической части связь эпизодовъ изъ общей исторіи церкви. Пожалуй, могутъ (если захотятъ удержатъ

кафедру обличительнаго богословія) подыскать для нея нѣсколько интересныхъ предметовъ: оно, скажутъ, представить статистику вѣроисповѣдныхъ обществъ, покажетъ внутреннюю ихъ жизнь, раскроетъ заключающіяся въ нихъ сѣмена борьбы и разрушенія и т. под. Положимъ такъ. Но что будетъ говорить церковная исторія, когда она дойдетъ до изображенія современнаго состоянія инославныхъ исповѣданій? А дойти она должна, когда во всѣхъ почти академіяхъ существуетъ особый наставникъ для изложенія новой церковной исторіи? Въ настоящее время мы видимъ программы по обличительному богословію, гдѣ не обличается современное иновѣріе и не защищается православная истина отъ живыхъ враговъ, а представляется исторія полемики или полемической христіанской литературы, начиная съ перваго вѣка, т. е., съ борьбы христіанства противъ язычества, іудейства, гностицизма и самыхъ древнихъ ересей. Мы ничего не говоримъ противъ научнаго интереса такого изложенія обличительнаго богословія. Но такая программа не служитъ ли обличеніемъ несостоятельности особой кафедры полемическаго богословія? Иначе для чего бы излагателю обличительнаго богословія убѣгать въ область церковной письменности, и тамъ основать свою осѣдлость? Это будетъ уже не обличительное богословіе, а исторія одной отрасли христіанской литературы, или, если угодно, исторія ересей и расколовъ христіанской церкви.

Ученіе о русскомъ расколѣ намъ кажется слишкомъ частнымъ предметомъ для того, чтобы его включать въ число существенно-необходимыхъ предметовъ, при начертаніи обязательной программы для *всѣхъ* духовныхъ академій. Если мы изъ практическихъ расчетовъ признаемъ это нужнымъ, то послѣдовательность мысли должна увлечь насъ къ узаконенію кафедры для ученія о римскомъ католициствѣ, и потомъ другой для ученія о протестантствѣ. Для православнаго богослова

борьба съ послѣдними, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть не менѣе настоятельна, какъ борьба съ первымъ, и эта борьба можетъ вызывать большее напряженіе, чѣмъ первая, тамъ, гдѣ есть живое столкновеніе православныхъ съ иновѣрцами. Мы предполагаемъ, что наставникъ исторіи русской церкви можетъ дать достаточное знакомство съ русскимъ расколомъ. Мѣстные обстоятельства заставляютъ духовную администрацію обращать особенное вниманіе на эту болѣзнь русской церковной жизни, и мы не отрицаемъ, что во уваженіе этихъ мѣстныхъ обстоятельствъ было бы цѣлесообразно, тамъ или здѣсь, открытіе нарочитой кафедры для полнѣйшаго ознакомленія съ расколомъ. Но признаніе этой цѣлесообразности не уполномочиваетъ насъ видѣть въ ученіи о русскомъ расколѣ такой предметъ, безъ котораго немислима академія, какъ высшее духовно-учебное заведеніе. Частныхъ подобныхъ кафедръ можетъ много открываться, по указанію времени и по соображенію обстоятельствъ, но, конечно, не въ нихъ существо и корень академическаго образованія: то науки во всякомъ случаѣ спеціальныя и въ спеціальномъ богословскомъ курсѣ, и потому побочныя и не обязательныя для всѣхъ академій.

Изъ общеобразовательныхъ наукъ въ академіяхъ особенное вниманіе должно быть обращено на *философію*, какъ самую лучшую и основательнѣйшую предедвигу къ богословію. Богословское созерцаніе въ исторіи тогда особенно было сильно, крѣпко и возвышенно, когда у изучающихъ богословіе расширялись и углублялись взгляды на предметы высшаго сознанія посредствомъ изученія философскихъ наукъ. И по замѣчанію наблюдательной мысли, паденіе философіи или пренебреженіе къ ней и въ старыя и въ новыя времена сопровождалось пониженіемъ уровня богословскихъ знаній и ослабленіемъ вниманія къ богословскимъ изслѣдованіямъ. Отъ этого, начиная съ Оригена и его почитателей св. Василія Великаго,

св. Григорія Богослова и другихъ отцовъ церкви, философія была въ числѣ предметовъ, наиболѣе покровительствуемыхъ и изучаемыхъ христіанскими просвѣщенными мыслителями.

На кафедрѣ философіи мы желали бы видѣть сосредоточеніе вниманія на *метафизикѣ и исторіи философскихъ системъ*. Формальная логика и опытная психологія, не составляющія существенныхъ частей философіи, могутъ и не проходиться въ академіи, если поступающіе въ академію будутъ достаточно ознакомлены съ ними въ семинаріяхъ.—Въ настоящее время много вооружены противъ метафизики и желали бы ограничить кафедру философіи однимъ изложеніемъ исторіи философіи. Мы никакъ не смѣемъ рекомендовать ограниченіе философской кафедры одною исторіею философіи, съ устраненіемъ изъ нея положительнаго философскаго ученія. Исторія философіи не даетъ критерія и твердыхъ основаній для нашихъ сужденій, а напротивъ сама должна быть освѣщаемъ положительнымъ философскимъ ученіемъ. Предоставленная самой себѣ, она и при богатомъ изложеніи, по свидѣтельству опыта, разпатываетъ мысль воспитанника, давитъ ее множествомъ смѣняющихся системъ и въ концѣ концовъ возбуждаетъ въ ней критицизмъ и отрицаніе, которыя могутъ переродиться въ грубую форму нигилизма. Недовѣріе къ положительному философскому ученію, проникшее и въ школу и въ литературу и въ общество, по нашему крайнему разумѣнію, — плодъ скептическаго настроенія нашихъ поколѣній, находящаго только архаическій интересъ въ благороднѣйшихъ попыткахъ чловѣческаго ума къ рѣшенію основныхъ вопросовъ нашего знанія, и потерявшего вкусъ въ идеальномъ и вѣру въ него. Призванные къ защитѣ положительнаго и духовнаго элемента знанія, академіи не должны ограничиваться такимъ нерѣшительнымъ отношеніемъ къ существенному содержанію философской науки, чтобы только сказать: таковой-то философъ ду-

малъ о немъ такъ, другой иначе, третій иначе и т. дал., не выставя своего собственнаго отвѣта. Въ этомъ была бы закрытая иронія человѣческаго ума надъ своею собственною мыслию. Мы надѣемся притомъ, что Россія внесетъ хоть малую частицу своего труда въ разработку философскихъ предметовъ, и въ этихъ видахъ рекомендуемъ самостоятельную кафедру философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не только для обзорѣнія философскихъ системъ но и для изложенія философской системы, проникнутой самородною русскою мыслию. Отъ этого мы откажемся только тогда, когда намъ скажутъ, что мы русскіе не можемъ и не должны философствовать, а только смотрѣть и изучать, какъ другіе философствовали, и философствуютъ. Но на это едва ли согласятся и тѣ, которые ратуютъ противъ изложенія положительнаго философскаго ученія на кафедрѣ высшаго учебнаго заведенія, не подозрѣвая того, что чрезъ это они закрѣпляютъ себя въ рабство чужимъ теоріямъ. Когда мы думаемъ о кафедрѣ философіи, мы желаемъ, чтобы она создавала въ слушателяхъ опредѣленное и здоровое направленіе философскаго сознанія, вліяла на складъ и характеръ ихъ міровоззрѣнія. Но это дѣйствіе философія не тогда можетъ оказывать, когда она замыкается въ кругъ чужихъ системъ, и ихъ разбираетъ, а тогда, когда кладетъ положительныя основы и выражаетъ свои опредѣленныя начала для философствованія о существенныхъ предметахъ нашего сознанія. При общей вѣрности христіанскому ученію, здѣсь могутъ быть допускаемы разныя видоизмѣненія въ рѣшеніи основныхъ задачъ философіи и въ строгіи системы, и мы нисколько не взумлялись бы, еслибы каждая высшая школа была здѣсь представительницею особеннаго направленія, и всѣ онѣ вмѣстѣ одна другую восполняли, разъясняли и возбуждали къ дальнѣйшей разработкѣ предмета, путемъ взаимныхъ обмѣновъ пріобрѣтеній мысли.

Словесность иные исключаютъ изъ программы академической, не видя въ ней отношенія къ богословской спеціальности. Мы стоимъ за словесность потому, что очень цѣннымъ авторское или словесное искусство, и видимъ, какъ оно необходимо для всякаго образованнаго человѣка, въ особенности для богослова. А для усиѣховъ въ этомъ искусствѣ кафедра словесности болѣе чѣмъ полезна. Мы видимъ далѣе, какое значеніе имѣетъ литература въ жизни и цивилизаціи, и не можемъ оспаривать того, что литературное образованіе одна изъ главныхъ принадлежностей образованнаго человѣка. Служа выраженіемъ общественной мысли, заключаая въ себѣ думы и желанія поколѣній, литература является силою, съ которою приходится считаться всякому человѣку, вышедшему изъ непосредственнаго состоянія, и богословъ, невѣжда въ литературномъ дѣлѣ, связываетъ себѣ руки и роняетъ свой предѣлъ, при столкновеніи съ обществомъ, на которое можетъ быть призванъ дѣйствовать: онъ представляется при этомъ удаленнымъ отъ той струи, въ которой бьется самый живой нервъ общественной жизни. Часто повторяется извѣстное выраженіе: слогъ—весь человѣкъ; въ соотвѣтствіе съ этимъ выраженіемъ можетъ быть поставлено другое: поэзія—выраженіе народа, литература—выраженіе общества. Ознакомленіе съ этими предметами, достигаемое на кафедрѣ словесности, оживляетъ и возбуждаетъ народное чувство въ воспитанникѣ и сближаетъ его съ интересами окружающаго общества. Здѣсь даются средства для воспитанія патріотическаго чувства, которое отнюдь не должно быть заброшено въ школы, и укрѣпляется народный духъ чрезъ углубленіе въ движущуюся народную мысль.

Чтоже должно быть излагаемо на кафедрѣ словесности въ академіи? Кругъ предметовъ, обнимаемыхъ именемъ словесности, довольно обширенъ, и едва ли можно требовать отъ наставника, чтобы онъ, въ теченіе академическаго курса, про-

нелъ все, что только можетъ входить въ программу словесности, напримѣръ исторіи литературъ всѣхъ народовъ. Въ исторической части отечественная литература должна быть главнымъ и преимущественнымъ предметомъ вниманія. Но громъ историческихъ уроковъ должна быть здѣсь и часть теоретическая. Намъ кажется очень стоящимъ вниманію указаніе занятій по кафедрѣ словесности, сдѣланное въ прежнемъ проэктѣ устава духовныхъ академій. Тамъ признано важное значеніе эстетическихъ изслѣдованій, которыя теперь какъ будто не въ ходу и не въ модѣ. Эти эстетическія изслѣдованія, освѣщая законы литературнаго творчества, даютъ въ руки критерій для сужденія о разныхъ направленіяхъ и явленіяхъ литературнаго міра. Къ тому же эстетика—одна изъ нравственныхъ наукъ, имѣющихъ наиболѣе одухотворяющаго вліянія на людей, усердно изучающихъ ее: отъ того она такъ непріятна защитникамъ матеріализма и противникамъ всего духовнаго и идеальнаго.

На кафедрѣ исторіи мы слѣдили бы проявленіе нравственныхъ законовъ человѣческой жизни, а не фактическое теченіе событій. Особеннымъ вниманіемъ на академической кафедрѣ должно пользоваться вліяніе религіознаго начала на характеръ народа и на ходъ его исторіи, и наоборотъ воздѣйствіе характера народа и обстоятельствъ его жизни на опредѣленіе самаго религіознаго начала. Самыми любимыми эпизодами здѣсь должны быть тѣ общественные кризисы, которые возникали и росли отъ религіозныхъ идей.

Изъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ природу, т. е., не входящихъ въ кругъ наукъ нравственныхъ, мы указали *физику*, эту главную и основную науку изъ всѣхъ естественныхъ наукъ. На нее мы обратили бы особенное вниманіе, если не для нея самой, то въ видахъ апологетики христіанства. Современное міровоззрѣніе хочетъ корениться на почвѣ естественной науки, и, слушаясь ея иногда сильнаго голоса, увле-

кается пристрастіемъ къ одностороннимъ теоріямъ, изъ нея поспѣшно выводимымъ. Отсюда не далеко обоготвореніе природы и ея силъ, при неглубокомъ и неправильномъ пониманіи видимаго нами естества. Знаніе и знаніе отчетливое основной изъ естественныхъ наукъ должно снабдить богослова средствами для борьбы съ фальшивыми ученіями, идущими въ разрѣзъ съ ученіемъ откровенія, и думающими опираться на естественную науку. Въ этихъ видахъ физика въ академіяхъ должна обращать особенное вниманіе на тѣ представленія о природѣ, которыя входятъ въ моду, а между тѣмъ обличаютъ въ себѣ для солиднаго ученаго неполноту и односторонность пониманія вещей. Вооружая опытнымъ свѣдѣніями своихъ слушателей, она должна быть для нихъ основаніемъ для здоровой натур-философіи, т. е., для свѣтлаго представленія о жизни природы и ея развитіи.

Педагогикау мы причислили къ кафедрѣ философіи; это сдѣлали потому, что педагогика въ академіи, какъ высшемъ учебномъ заведеніи, должна преслѣдовать не одно практическое умѣнье вести дѣло воспитанія и обученія, чѣмъ она можетъ ограничиваться въ семинаріяхъ, а и ученое обоснованіе и всестороннее разъясненіе разныхъ системъ и методовъ, употребившихся и употребляющихся въ педагогической практикѣ. Педагогика при этомъ, преслѣдуя ученый интересъ, самымъ тѣснымъ образомъ будетъ примыкать къ психологіи. Психологическія данныя будутъ для нея основами, на которыхъ она будетъ строить свои положенія. Для психологіи мы не назначали бы особыхъ часовъ въ академіи, а предоставили бы ея изложеніе наставнику педагогики, если онъ сочтетъ это нужнымъ для ясности и основательности своихъ педагогическихъ построеній. Понимать дѣло воспитанія человѣка можно только тому, кто знаетъ въ возможной полнотѣ воспитываемаго человѣка и въ его непосредственномъ состояніи и въ томъ идеалѣ,

какой достижимъ для него, при заботливомъ попеченіи немъ.

Мы не поименовали въ числѣ необходимыхъ кафедръ для академіи кафедръ латинскаго и греческаго языка. Это не значитъ, чтобы мы не считали необходимымъ для воспитанниковъ духовной академіи знаніе классическихъ языковъ. Напротивъ, мы желаемъ, чтобы каждый, ищущій ученой богословской степени, въ совершенствѣ владѣлъ классическими языками, и безъ всякаго затрудненія читалъ какія бы то ни было греческія и латинскія книги. Мы вполне сознаемъ, какъ необходимо владѣть классическимъ языкознаніемъ при самомъ первомъ приступленіи къ самостоятельной разработкѣ богословской науки. Но при усиленіи изученія классическихъ языковъ въ низшихъ училищахъ и семинаріяхъ по новому уставу, назначающему самое большое число часовъ для этого предмета, академіи могутъ не озабочиваться учрежденіемъ у себя особыхъ кафедръ для усовершенствованія въ языкахъ, которымъ поступающіе въ академію учились около 10 лѣтъ, и притомъ такъ, что эти языки, по числу занятыхъ часовъ, были главнымъ для нихъ предметомъ изученія. Академіямъ достаточно при приемномъ экзаменѣ удостовѣряться въ хорошемъ знаніи классическихъ языковъ будущими ея воспитанниками. Онѣ скорѣе имѣютъ право не принимать тѣхъ, которые въ этомъ отношеніи не достаточно приготовлены къ ученой работѣ, чѣмъ чувствуютъ обязанность восполнять опущенное воспитанниками среднихъ заведеній, поступающими въ академію для слушанія высшаго курса наукъ, имѣющихъ отношеніе къ богословской специальности. При этомъ не нужно опускать изъ вида того разсчета, который подсказываетъ опытъ и естественное соображеніе: не изучившій древнихъ языковъ, когда они были главнымъ обязательнымъ предметомъ, не станетъ заниматься ими въ то время, когда предъ нимъ будутъ другія настоятельнѣйшія занятія, и

когда самыя способности человѣка получаютъ настроеніе, не предрасполагающее къ усидчивому изученію языка. Для воспитанниковъ академіи, какъ ни необходимо знаніе древнихъ языковъ, не есть прямая цѣль, а только средство для цѣли: ихъ не можетъ интересовать філологическое изученіе языка въ такой степени, въ какой должно интересоваться оно специалистовъ філологическаго университетскаго факультета. А во имѣ образовательныхъ цѣлей изучать древніе языки въ академіи пѣскольکو поздно. — Для академіи желательны знатоки древнихъ языковъ, специально посвящающіе себя ученымъ работамъ, требующимъ основательнаго знакомства съ тѣми языками, напримеръ переводамъ отеческихъ писаній. Но для такихъ специальныхъ занятій нужны не столько профессора-преподаватели, сколько свободные ученые люди. И намъ казалось бы очень цѣлесообразнымъ, еслибы академическая конференція для этой цѣли имѣла средства приглашать къ себѣ ученыхъ силы и давать имъ положеніе, независимо отъ профессорскаго званія. Если такое предположеніе окажется неудобноисполнимымъ, а между тѣмъ духовныя академіи не захотятъ остаться безъ специалистовъ-латинистовъ и эллинистовъ, — въ такомъ случаѣ пусть раздѣлится на отдѣленія обширная кафедра церковной письменности; тогда на этой кафедрѣ могутъ быть специальные знатоки и латинской и греческой духовной литературы; но они во всякомъ случаѣ стали бы учить не языку, который долженъ предполагаться извѣстнымъ всякому поступающему въ академію, а излагать духовную литературу по подлиннымъ памятникамъ.

Для математики мы тоже не назначили особой кафедры. Признанная значительною образовательною силою, она можетъ быть усилена въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а академіи только при пріемѣ должна обращать вниманіе на то, въ какомъ мѣрѣ знакомъ съ этою наукою поступающій въ составъ ея

студентовъ. Для слушанія уроковъ физики, усиленія и расширенія которой мы желаемъ для академіи, можетъ быть достаточно того знанія математики, какое должны давать среднія учебныя заведенія.

По отношенію къ новымъ языкамъ, теперешній уставъ требуетъ отъ студентовъ академіи такого знанія, чтобы они могли свободно читать и понимать ученныя книги. Такая степень знанія большею частію достигается ими, при сознаніи необходимости обращаться къ иностраннымъ пособіямъ при ученыхъ занятіяхъ. Но такъ какъ изученіе чужаго языка условливается постояннымъ и неослабнымъ упражненіемъ памяти, то оно пріобрѣтается больше нутемъ домашнихъ занятій, чѣмъ классныхъ уроковъ, и этимъ же путемъ усовершеняется. Наставнику чужаго языка, при всемъ его усердіи, трудно достигнуть значительнаго уснѣха, безъ самодѣтельнаго участія самихъ его учениковъ. онъ напрімѣръ не можетъ передать имъ знанія словъ того или другаго языка, если они не будутъ усвоить этого знанія усерднымъ чтеніемъ иностранныхъ сочиненій. Мы поэтому нисколько не удивились бы если бы увидѣли исключенными изъ академической программы значащіеся въ ней нынѣ новые языки. Мы предполагаемъ, что зачатки знанія новыхъ языковъ, нужнаго для ученыхъ цѣлей, уже должны быть въ поступающемъ въ высшее учебное заведеніе, и академія можетъ предоставить домашнему усердію студентовъ усовершеніе ихъ въ знаніи полезныхъ для нихъ языковъ. Въ высшемъ учебномъ заведеніи уже поздно возитъся съ грамматикою, и при относительной зрѣлости умственныхъ силъ и при множествѣ занятій другаго рода студенты очель не охотно слушаютъ въ классѣ переводы или разъясненія грамматическихъ правилъ. Академія, безъ оффиціальныхъ кафедръ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, также не поражала бы насъ странностію, какъ не поражаютъ насъ университетскіе факультъ-

теты, напримѣръ юридическій, тѣмъ, что въ нихъ не преподаются новыя языки, и въ составъ наукъ ихъ не входятъ эти вспомогательныя знанія.

Во всякомъ случаѣ, если и признана будетъ необходимость особыхъ кафедръ въ академіи для новыхъ языковъ, эти кафедры не могутъ занимать въ ней виднаго мѣста, и мы не дѣлали бы классическое изученіе ихъ обязательнымъ для всѣхъ студентовъ. Знаніе этихъ языковъ не есть цѣль академическаго образованія, а только средство или пособіе учености.

Въ вопросѣ о новыхъ языкахъ у многихъ въ виду желаніе, которое, кажется, не достигается классическимъ путемъ ни въ одномъ ни среднемъ, ни высшемъ учебномъ заведеніи, — именно, многіе хотятъ и требуютъ отъ академій, чтобы онѣ доставляли своимъ студентамъ не только книжное знаніе, но и живое свободное владѣніе языкомъ въ разговорѣ. Кто сталъ бы говорить противъ этого желанія, если бы осуществленіе его не встрѣчало затрудненій?.. Съ своей стороны мы желали бы счастливаго успѣха этому дѣлу. Но только замѣтимъ, что и природный французъ или нѣмецъ (какого для этой цѣли нужно пригласить въ академію) не много сдѣлаетъ, если ограничить свои занятія урочнымъ временемъ классическихъ лекцій. Онъ долженъ будетъ вести частый и домашній разговоръ съ своими учениками, и только частая и усердная домашняя практика можетъ повести здѣсь къ благопріятнымъ результатамъ.

Изъ языковъ, изучаемыхъ въ школахъ, духовнымъ академіямъ болѣе другихъ можно позаботиться оффиціальнымъ путемъ о *еврейскомъ языкѣ*. Знаніе этого языка имѣетъ самое близкое отношеніе къ той специальности, для которой существуютъ духовныя академіи, и одна изъ основныхъ богословскихъ наукъ, именно свящ. Писаніе, не разъ можетъ обращать вниманіе усердно изучающаго ее на еврейскій текстъ, а вмѣстѣ съ этимъ заставлятъ его прибѣгать къ еврейскому языку. Та-

нимъ образомъ при каедрѣ св. Писанія можетъ и должна существовать въ академіи, въ качествѣ вспомогательной каедры, каедра еврейскаго языка. Но и здѣсь, открывая средства къ изученію этого языка желающимъ, академія могла бы не настаивать на его обязательности.

Мы коснулись пока только одного пункта изъ множества другихъ, подвергшихся толкамъ и пересудамъ, по поводу возбужденнаго вопроса о преобразованіи академій. На этотъ пунктъ мы обратили вниманіе съ одной стороны потому, что онъ кажется намъ однимъ изъ самыхъ важныхъ, а съ другой потому, что онъ болѣе другихъ вызываетъ разнорѣчія и, судя по заявляющимся мнѣніямъ, скорѣе другихъ подвергнется какою либо крупной ломкѣ. Мы сочли нужнымъ выставить возраженіе противъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ заявленій. Въ учебной программѣ мы желаемъ нѣкоторыхъ измѣненій, но въ существенномъ стоимъ за старый строй, и наше мнѣніе собственно защитительнаго характера. Мы не желали бы подвергать ломкѣ устоявшееся и твердое, пока не увидимъ въ параджающихся мнѣніяхъ болыне твердости и зрѣлости, чѣмъ какую они теперь заявляютъ.

Мы воздерживаемся теперь отъ сужденія о другихъ пунктахъ, входящихъ въ обсуждаемый вопросъ объ академіяхъ. Пока рѣшительныхъ мнѣній здѣсь еще не заявляется. Но если мы увидимъ въ ходу какія либо смѣлыя построенія, которыя намъ не покажутся твердыми, мы сочтемъ своею обязанностію высказать противъ нихъ свои замѣчанія.

В. Пшоникій.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**